

А. Г. Агабабян
М. Э. Сысоева

«#УБЫХИ_ЕСТЬ»: МЕДИАСТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-00160.

*Организация, через которую осуществляется финансирование, — Кубанский
государственный университет.*

Статья посвящена детальному рассмотрению стратегий конструирования убыхской идентичности в медиапространстве. Проникнув во все сферы жизни общества, медиа не только успешно заместили традиционные способы общения, но и расширили коммуникативные возможности человека и способы его личного позиционирования. На этом фоне осязательнее звучит идея о стирании границ между онлайн и офлайн, что позволяет выстраивать максимально креативные поведенческие стратегии как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. В более узком смысле эти стратегии затронули также проблему этнической репрезентации. Довольно актуальными они оказались и для убыхского сообщества, которому постоянно приписывают статус «вымершего» народа или окончательно утратившего собственный неповторимый язык. Анализ качественно новых нарративов демонстрирует, что дискурсы убыхского «вымирания» и «возрождения» гармонично сосуществуют в пределах виртуальности и регулярно актуализируются активистами ревитализационного движения. Наряду с более привычными (публикации в СМИ, документальные фильмы, телевизионные репортажи) популярность получают качественно иные инструменты мобилизации этничности — хэштеги, никнеймы, тематические «группы» в социальных сетях и т.д. Выявленные характеристики подтверждаются материалами экспедиции к потомкам убыхов в современной Турции (осень 2015 г.) и полевыми этнографическими исследованиями в Причерноморской Шапсугии и соседней Абхазии (лето-осень 2018 г.), посвященными изучению отдельных семейств, претендующих на убыхское происхождение. Описываемые тактики и стратегии очевидно дают понять, как на наших глазах разворачивается изобретение убыхской идентичности и насколько неустойчиво мнение об окончательной гибели сообщества.

Ключевые слова: медиатизация, медиаисследования, убыхи / убыхский язык, Тевфик Эсенч, ревитализация, идентичность.

В ритме современной жизни человечество уже и не представляет свой день без электронных девайсов: доверяет Siri, прокладывает короткий маршрут с Google Maps, делится новостями и узнает о предстоящих мероприятиях на Facebook. Существовая в двух пространствах одновременно, оно даже способно достичь «цифрового бессмертия» на Eterni.me. Вместе с тем, медиа выступают и в качестве дополнительного способа выражения и трансляции иден-

тичности в широком смысле [1], на чем и сфокусировано внимание в данной статье.

Говоря об определяющей роли медиа в современном обществе, стоит отметить наметившиеся в исследованиях последних десятилетий два основных концептуальных направления: теория медиатизации (С. Хьярвард, В. Шульц, Ф. Кротц, А. Хепп) и теория медиации (Р. Сильверстоун, Н. Коулдри). Различия между ними, по мнению Кнута

Лундби, сводятся скорее к языку, нежели к концептуальным разногласиям [2, 31].

Однако Ник Коулдри разводит данные понятия. Определяя медиатизацию как линейное преобразование из «домедийного» состояния в «медиатизированное», британский исследователь в качестве концепции для понимания «цифрового повествования» все же принимает теорию медиации, подчеркивающую, в отличие от первого подхода, неоднородность происходящих в социальном пространстве трансформаций. Коулдри отвергает возможность существования единой медиалогии, которая бы задавала последовательный и однонаправленный повествовательный поток на таких площадках, как *MySpace* или *Facebook*. К примеру, само осознание возможности архивации цифрового повествования, которое может скомпрометировать пользователя, уже корректирует содержание представленной в сети информации. Таким образом, ряд факторов не дает цифровому повествованию следовать в рамках единой логики медиатизации. В понимании Коулдри, преодолевающая представление об универсальности «медиалогии», медиация отражает в себе динамику различных «медиапотоков», другими словами, является нелинейным процессом, включающим разнообразные медиатизированные социальные практики [3].

Стиг Хьярвард также настаивает на разведении понятий «медиации» (как конкретного акта коммуникации посредством медиума в определенном социальном контексте) и «медиатизации» (более длительного процесса, в котором способы взаимодействия социальных и культурных институтов зависят от ро-

ста влияния медиа). Исследователь не признает изменения общества и культуры в результате вмешательства медиа, ссылаясь на все еще актуальную координирующую функцию в общественной жизни таких институтов, как семья или политика. Институциональный подход рассматривает «медиатизацию» как социальный процесс, стимулирующийся развитием медиа и динамикой ряда других институтов, в которых социальные агенты используют медиа для достижения собственных целей [4, 223]. Медиатизация для Хьярварда — это двойственный процесс, отражающий зависимость (варьируемую относительно социальных институтов) и подчиненность общества медиалогике. Двойственность выражается в том, что медиа, интегрированные в деятельность социальных институтов, со временем сами становятся социальными институтами [5, 113-115].

Анализируя теоретическое содержание «медиатизации», Фридрих Кротц и Андреас Хепп взамен подхода «медиалогии» предлагают концепцию «медиамиров». В понимании исследователей медиамыры — это «социально сконструированные частичные реальности», отражающие, каким образом их коммуникативная конструкция формируется и изменяется под влиянием различных медиа. Среди особенностей «медиамиров» авторы отмечают наличие коммуникативной сети за пределами территории (как пример, биржевые сделки включают в себя происходящее не только в здании биржи, но и всюду, где банкир осуществляет продажу акций), существование «медиамиров» в различных масштабах (что позволяет осуществлять исследования медиатизации), а также их трансгрессивность. В

понимании Кротца и Хеппа «медиатизация — это не только процесс развития новых медиа и появления все более сложного человека медиасреды. Это не только процесс «все большего и большего» использования медиа в коммуникации, это метапроцесс, состоящий из изменений повседневной жизни, изменений конструирования идентичности и социальных отношений, изменений экономики, демократии и досуга, изменяющейся культуры и общества в целом. Медиатизация похожа на модернизацию, глобализацию и коммерциализацию, но в то же время имеет и отличное развитие» [6, 123-124]. Авторы фокусируют внимание на преобразующей особенности медиа, анализируя с позиции «медиамиров», как посредством различных медиаинструментов происходит построение социокультурного пространства.

Немецкий исследователь медиа Винфрид Шульц отмечает взаимосвязь изменений, обусловленных медиатизацией, с функциями среды в процессах коммуникации: это функция реле (передача сообщений на пространственные и / или временные расстояния в соответствии с их каналами и / или возможностями хранения), семиотическая (кодирование и форматирование сообщения подходящим для человеческого восприятия способом) и экономическая (стандартизация медиа в результате массового производства) [7, 90]. Отмечая способность медиа преодолевать временные и пространственные расстояния, Шульц выделяет также функцию прямого (с помощью технических средств телекоммуникации) и косвенного (производство публичной сферы) посредничества медиа. Особый интерес представляет последняя, отраженная

в метафоре «форума» — публично-го пространства выражения мнения и интересов пользователей. Медиаобщественность становится предпосылкой публичного дискурса, синтезируя различные социальные интересы. Так, издательский потенциал медиа позволяет наблюдать за дискурсом и косвенно в нем участвовать, обеспечивая контакт с социальной реальностью и открывая доступ к тем событиям, очевидцами которых люди не могут быть. Хотя вместе с тем, как медиа расширяют коммуникативные и перцептивные возможности людей, налагаются специфические медиаограничения на сообщения, формируя коммуникационный процесс таким образом, что пользовательский контроль уже и не возможен. Исходя из этого, Шульц указывает на зависимость и гетерономию медиа в качестве главного аспекты медиатизации [7, 90-92].

Несмотря на разность подходов при определении понятия «медиатизации», единогласно подчеркивается значимая роль данного процесса в социальных изменениях. В наблюдаемом нами настоящем когнитивное воздействие медиа усилилось настолько, что может без всяких сомнений считаться наиболее влиятельным агентом социализации, поскольку появилось качественно новое, функционально удобное, доступное и трансграничное социальное пространство. В условиях медиа представители специализированных профессий (журналисты, политики, академическое сообщество, а также исследователи-любители), используя медиа в качестве ресурса для достижения личных целей, становятся не просто трансляторами, но и создателями общезначимых смыслов. Отсюда важно проследить, какое внимание уделяется одной теме по

сравнению с другими, какие виды сообщений передаются и циркулируют, какая тема занимает медиаповестку дня. Конечно, использование социальных сетей (таких как *Facebook*, *Instagram*, *ВКонтакте* и пр.) объясняется их бесспорной популярностью, однако, становясь символом современного образа жизни, данные ресурсы коммуникаций передают динамику социокультурных изменений.

Итак, поскольку языковой аспект занимает одно из лидирующих положений в многосоставном процессе конструирования «убыхства», то для начала следует остановиться на позиционировании проблемы «вымирания» убыхов как этнического сообщества в медиaprостранстве. Дело в том, что констатация данного факта, особенно в лингвистическом ключе¹, пришлась на начало 1990-х гг. и связана с кончиной в Турции на восемьдесят девятом году жизни Тевфика Эсенча², центрального информанта именитого французского филолога и мифолога Жоржа Дюмезиля. Это событие спровоцировало затянувшуюся полемику внутри академической среды, к которой присоединились поначалу локальные, а затем уже и мировые медиа, акцентирующие внимание на проблемах малочисленных народов и исчезающих языков. Физическое отсутствие «лучшего», «единственного» и «полноценного» убыхофона, мгновенно возведенного после смерти в ранг «последнего из убыхов», послужило весомым поводом для популяризации идеи о мифической катастрофе, которая в одночасье постигла всех убыхов и их язык. Так, на рубеже XX-XXI вв. будоражившими слух и глаз становились газетные и кинематографические заголовки, привлекавшие внимание к

проблеме «The Last Native Speakers», в перечне которых свою нишу успешно занял Т. Эсенч, олицетворяя случай языковой утраты в кавказском / причерноморском культурном ареале.

Справедливости ради нужно заметить, что в целом дискурс убыхского «вымирания» всегда немного опережал реальный расклад вещей [8]. Предвестниками такого «забегания» вперед можно считать и документальные ленты, снятые в последние десятилетия XX в. Их лейтмотивом был открытый намек на вероятную в ближайшем будущем потерю аутентичной лингвистической составляющей убыхской идентичности вместе с безвозвратным уходом ее компетентного носителя, который, кстати, лично принимал участие в съемках ряда из этих картин. В числе таких работ особняком стоит вышедший в свет в 1987 г. фильм турецкого режиссера Исмета Арасана «Son Sesler» («Последние звуки / голоса»). Эта короткометражная документально-биографическая зарисовка, повествующая о жизни компактного убыхского селения Хаджи-Осман³ на фоне глубоких лиричных размышлений его многоуважаемого жителя, а некогда и мухтара (старосты) Тевфика-бея, удостоилась пристального мирового внимания: неоднократно премировалась, демонстрировалась на престижных кинофестивалях (включая парижский «Cinema du Reel», 1988 г.) и по сей день хранится в архиве ЮНЕСКО. Причем появление картины И. Арасан прокомментировал следующим образом: «Как только я узнал, что в деревне Хаджи-Осман живет последний человек, говорящий на убыхском языке, я сразу отправился в путь. Кроме 81-летнего Тевфика Эсенча, на всей земле, наверное, нет боль-

ше никого, кто знал бы этот язык. Этот ужасающий факт, который стоит того, чтобы о нем узнал[и] многие, и подтолкнул меня снять данный 26-минутный документальный фильм» [9]. Характерной чертой фильма выступает некое предчувствие самого убыхофона о неминуемом приближении беды — окончательном лингвистическом сдвиге на турецкий язык, и своеобразное пророчество о превращении главного героя уже при жизни в символ сообщества, постепенно растворяющегося в чужом этноязыковом окружении. Усиливают эти ощущения фрагменты, где Эсенч в непринужденной домашней атмосфере работает с Жоржем Шарашидзе — учеником и продолжателем дела Ж. Дюмезиля, и никого кроме них вокруг не волнует судьба тех самых «последних» убыхских звуков, которые произносят оба в кадре.

Аналогичное ностальгическое чувство улавливается в анонсах готовящегося к скорому выходу нового документального проекта под авторством Бурджу и Бурака Эсенчей, детей младшего сына Тевфика — Эрола (Erol Esenç, 1936 г.р.). В отличие от упомянутой выше картины Арасана, отражающей ситуацию как бы со стороны аутсайдера, фильм внуков Т. Эсенча — непосредственных инсайдеров этой истории, больше направлен на репрезентацию научной деятельности их родственника. Для реализации частной инициативы молодые люди в составе скромной съемочной группы, состоящей всего из четырех человек⁴, проделали символический путь по стопам деда. Посетив помимо основных пунктов в Турции Францию, Норвегию, Россию (Нальчик, Майкоп, Сочи), т.е. места, где когда-то довелось побывать и работать

их предку, авторы персонифицируют Эсенча как самостоятельного исследователя, чей вклад в мировое убыховедение не ограничивался одним лишь привилегированным знанием языка. К примеру, для детального выяснения обстоятельств сотрудничества убыхофона и норвежского ученого Ханса Фогта более чем шестьдесят лет тому назад, внуки первого беседовали с сыном последнего — Петером Фогтом [10].

С другой стороны, актуализация темы «вымершего» языка получила отражение в наименовании фильма — «Bir Rüya Gördüm Anlatsam da Anlamazsınız». В буквальном переводе с турецкого фраза означает: «Мне приснился сон, но даже если я расскажу, вы не поймете». Из кратких аннотаций к Интернет-публикациям понятно, что эта цитата принадлежит Эсенчу и описывает его сновидение, о чем он не запытал повествовать семье [11]. Тревожный контекст якобы подразумевал, что настал час, когда убыхский язык постепенно выходит из употребления, ведь целиком это предсказание звучало так: «Мне приснился сон, но даже если я расскажу, вы не поймете... потому что он был на убыхском».

О результатах своих трудов съемочная команда, как и полагается, сообщает на базе крупнейших социальных сетей *Facebook* и *Instagram*, для чего были созданы одноименные персональные страницы / аккаунты «Bir Rüya Gördüm» и «@birrüyagördüm_official»⁵ и удобные для поиска хэштеги «#birrüyagördüm / #birrüyagördüm», «#birrüyagördümanlatsam / #birrüyagördümanlatsam», «#birrüyagördümanlatsamdaanlamazsınız» (рис. 1). Несмотря на международный характер проекта, целевой аудиторией указанных вир-

туальных сообществ, т.е. так называемыми «подписчиками», остается довольно узкая туркоговорящая группа лиц (в совокупности около 370 чел.), имеющая убыхское происхождение. Зачастую при анализе комментариев можно установить, что среди них есть выходцы из Хаджи-Османа, а излюбленным эпитетом из «онлайн-уст» односельчан по отношению к легендарному соплеменнику является выражение *son ubih* — «последний убых».

Наряду с кинематографом в поддержание описанного тренда свою лепту вносят и печатные СМИ. К слову, до сих пор в личном архиве другого сына Эсенча — Зеки (Zeki Esenç, 1934 г.р.) как семейная реликвия хранится экземпляр датской газеты «Viden»⁶. В ней помещена обобщающая публикация, приуроченная к провозглашенному в 2008 г. Генеральной Ассамблеей ООН Международному году языков⁷ в соответствии с резолюцией ЮНЕСКО. В ви-

зуальной подборке к статье о последних знатоках исчезнувших языков, таких как индеец-яна Иши (Северная Америка) и Фанни Кокрейн Смит (Тасмания), фигурирует фотография «последнего» убыхофона с ожидаемым информационным сопровождением: «Он родился в 1904 году и когда умер в октябре 1992 года, он был последним, кто говорил по-убыхски. На этом языке говорили [жители] побережья Черного моря в районе Сочи до 1864 года. Тогда же русские завоевали Убыхию, и они [убыхи] эмигрировали в Турцию».

Правда, вопреки устоявшемуся драматизму, при вдумчивом анализе всех разновидностей медиа сразу становится ясно, что сейчас данная идея уже не воспринимается односторонне и понимается как гиперболизация кризисных событий двадцатилетней давности. Все уместнее выглядит мнение, что язык убыхов находится в «спящем / дрейфующем» состоянии, но одно-

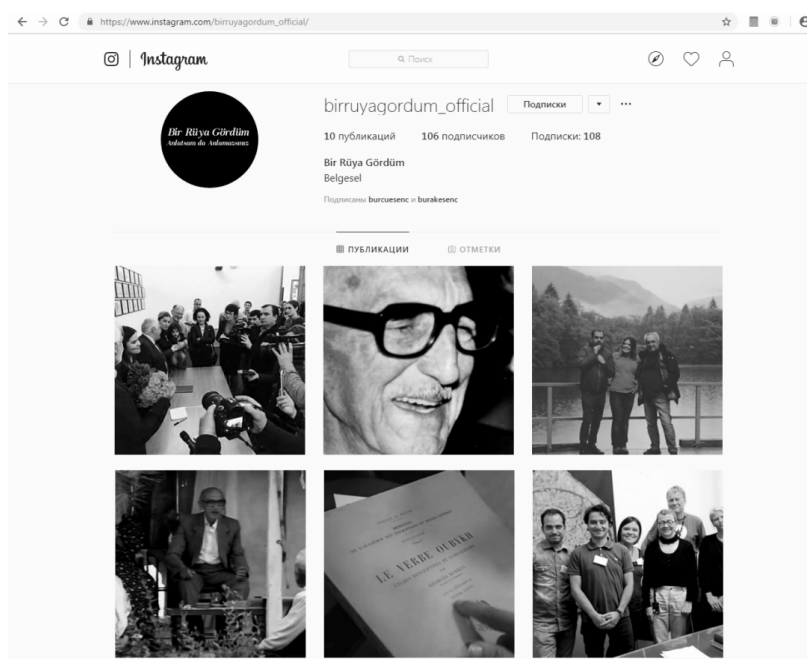

Рис. 1. Скриншот профиля @birruyagordum_official в Instagram от 18 декабря 2018 г.

URL: https://www.instagram.com/birruyagordum_official/

значно не кануло в лету этническое сообщество: периодические экспедиции этнографов и филологов в Турцию доказывают, что в добром здравии пребывают отдельные полуносители языка, которому столь категорично приписан статус вымершего [8, 301; 12]. Отчетливо такое осознание звучит в дискуссиях, параллельно возникающих на площадках различных видео-хостингов и сообществ в социальных сетях. Излюбленная тема для перманентных онлайн-споров — романтизация образа Эсенча, чья персона трактуется одновременно как «последний» убых / убыхофон и прототип главного героя Зауркана Золака из исторического романа абхазского драматурга Баграта Васильевича Шинкубы «Последний из ушедших» (абх. «Ацынцэарах», 1974 г.). Пока одни пользователи верят в достоверность изложенного прозаического сюжета и воспринимают его за чистую монету, другие акцентируют внимание «собеседников» на наличии художественного вымысла и призывают трезво оценивать сложившуюся ситуацию с учетом факта, что потомки убыхов продолжают существовать в условиях турецких реалий с прогнозируемыми последствиями в виде языковой и культурной ассимиляции:

Выдержки из переписки⁸ под постом в группе «Убыхский язык / ТПухъыбзэ» в ВКонтакте (URL: https://vk.com/tuaxibza?w=wall-36387483_196%2Fall)

Пользователь «Султан Хагундоков», 6 апреля 2016: Ислам салам алейкум. Вот сейчас читаю Последний из ушедших и сижу на эмоциях. Неужели нигде не осталось носителя языка?

Пользователь «Ислам Шухостан», 6 апреля 2016: Султан, к сожалению нет.

Конечно есть наверное какие то остаточные слова в Турции. Как я слышал, там есть поселок, где коренным населением являются — убыхи. <...>

Пользователь «Ислам Шухостан», 6 апреля 2016: <...> Ну а насчет книги, сам понимаешь это — роман. Вымесел самого автора. Как знает человечество последний носитель убыхского наречия — Таффик Эсенч. А в книге «Последний из ушедших» персонажа зовут Зауркан Золак. <...>

Пользователь «Алим Атабиев», 25 апреля 2016: «Последний из ушедших» — не вымысел, а рукопись написанная со слов Зауркана. А убыхов к сожалению не осталось, те что переселились ассимилировали с турками, потому и кровь нельзя назвать убыхской, а что касается — «убыхи» наших дней, они скорее уже турки а не убыхи.

Пользователь «Алим Атабиев», 25 апреля 2016: А Таффик Эсенч последний носитель языка, а не последний убых.

Комментарий к фильму «УБЫХИ. 150 лет в пути», размещен на видео-хостинге YouTube (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cO9IIXLkhs&t=13s>)

Пользователь «SEr Dock», июль 2018: Не вводите людей в заблуждение! Умер не последний убых, а последний носитель убыхского языка, убыхи живут в Турции, только говорят на турецком.

Однако за последнее десятилетие рефлексии о языке участились и приобрели новую силу уже в рамках ревитализационного движения. В этом контексте медиасреда поэтапно завоевывает позицию нетривиального и мобильного посредника, позволяющего выстраивать в оригинальных сочетаниях противоположный «вымиранию» и вариативный по характеру процесс

«возрождения» убыхов и, что немало важно, убыхского языка как ведущего маркера идентичности описываемого сообщества. Например, в этом свете новые медиа (социальные сети, генеалогические форумы и т.п.) выступают вспомогательным средством оперативного оповещения о позитивном изменении в вопросе ревитализации, моментально донося до массового сведения ценные сообщения, опубликованные на официальных новостных порталах. В случае с убыхами любая информация представляется уникальной и сенсационной хотя бы потому, что хронологически события, зафиксированные в новостном формате, не так часто происходят в реальности. За прошедшие пять лет резонансными были сообщения о: презентации в грузинском «Черкесском (адыгском) центре» учебника убыхского языка профессора, доктора филологических наук Русудан Джанашия (Тбилиси, 2015 г.) [13], запуске сбора спонсорской помощи для издания полного словаря убыхского языка австралийским археологом и лингвистом Ронной Фенвик (февраль 2018 г.) [14] и выпуске убыхско-адыгейско-русского словаря супругов-филологов Батырбия и Софиат Берсировых (Адыгея, май 2018 г.) [15].

Но, пожалуй, пальму первенства удерживает сообщение в «Хронике» абхазского филолога Вячеслава Андреевича Чирикбы от 3 марта 2017 г. на его личном аккаунте в *Facebook* [16]. Именно в тот день он начал читать курс «Грамматика убыхского языка» на базе Абхазского государственного университета, о чем незамедлительно оповестил своих «друзей» и «подписчиков». Новость была подхвачена и растиражирована как профессиональными

СМИ, так и многими тематическими сообществами и индивидуальными пользователями в иных социальных сетях со ссылкой на первоисточник, и на сегодняшний день служит одним из весомых аргументов для демонстрации пользователями Интернет-ресурсов положительной динамики убыхского «возрождения». Невзирая на полярные взгляды и имеющие место скептические оценки [17], как авторитетный специалист В. А. Чирикба в очередном из постов заметил: «Читая убыхский язык, перед моими глазами встает Тевфик Эсенч, а также те убыхи, с которыми я познакомился в Турции и которые продолжают, даже после гибели языка, сохранять память о культуре своего древнего народа...» [18]. Таким образом, задавая общий тон современному академическому изучению и преподаванию⁹ «погибшего» языка, лингвист превращается в создателя востребованного контента по научной проблематике (публикации фото- и видеоматериалов аудиторных занятий, участие в телевизионных репортажах и т.д.). Лекции Вячеслава Андреевича в АГУ в 2017 г. совместно с коллегами посетила Бурджу Эсенч для съемок отмеченного выше документального фильма.

Ранее остающаяся болезненной и сложной в плане офлайн-реализации концепция лингвистического возрождения с 2010-х гг. легла в основу создания специализированных сообществ — «групп» согласно классификации, предложенной разработчиками ведущих в России и за рубежом социальных сетей. Инициаторами появления и дальнейшего существования любительских и просветительских по своей ориентированности «групп» являются активисты, которые по этническим пред-

почтениям могут причислять или не причислять себя к убыхам. Подобные «групповые» объединения, как правило, открытого типа, т.е. с неограниченным доступом к членству для сторонних пользователей, несут смысловую нагрузку качественно иной площадки, где в свободном доступе получает возможность циркулировать огромный массив знаний, накопленных за минувшее столетие плеядой исследователей. Обобщенный девиз сообществ гласит: «Собираем материал, учим язык». Этот принцип хорошо иллюстрирует условная структура «группы», каждый раздел которой функционально задействован в трансляции и распространении имеющегося материала. Следовательно, многоплановая деятельность выявленных сообществ сводится к ознакомлению с трудами отечественных и зарубежных лингвистов-убыховедов — Ю. Месароша, Х. Фогта, Ж. Шарашидзе, Дж. Хьюитта, Дж. Коларуссо, В. А. Чирикбы, М. А. Кумахова и др., но, безусловно, господствующее положение в этом перечне отводится творчеству Ж. Дюмезиля. Далее, значительное внимание уделяется попыткам разработать собственный обучающий контент. В этих целях осуществляются публикации, посвященные лексике и грамматике «утраченного» языка (посты с изображениями, призванные помочь заучить по одной лексеме; интерактивные обсуждения фонетического и этимологического разбора предложенных лексем); предоставляются транскрибированные тексты нарративов, собранных Ж. Дюмезилем от Т. Эсенча, и расшифровываются аудиофайлы; проводится знакомство с актуальными проектами онлайн-словарей и ведутся всевозможные консультации по обмену опытом

самостоятельного изучения языка или недостающей информацией. Среди «групп» рассмотренного типа можно выделить сообщества «Убыхский язык / ТПухъыбзэ» (*ВКонтакте*, действует с 2012 г.) и «Ubykh Language» (*Facebook*, действует с 2013 г.)¹⁰.

Еще одна «группа» — «Т⁰АХӘ АУ-БЫХЦӘА УБЫХХӘР UBINLAR УБЫХИ» (*Facebook*, действует с 2016 г.), основанная все тем же Чирикбой, задумывалась как справочный ресурс с упором на освящение ситуации в плане продолжающихся научных изысканий об убыхах (позже тип «группы» был изменен на «Проект»). В приветственном обращении на трех языках — английском, турецком и русском — к виртуальной аудитории ученый (он же «администратор группы») подчеркивает: «Друзья, я приглашаю вас принять участие в этой группе, посвященной убыхскому народу. Рассказы, легенды, фотографии, документы, публикации — все, что касается убыхск[о]й нации» [19]. Отличительная особенность этого сообщества заключается в явном диалоге представителей науки как между собой, так и с заинтересованными обывателями, т.е. с людьми, которые причисляют себя к этой общности или интересуются историей Кавказского региона. Так, запускается двухсторонний процесс расширения убыхского «поля», ведь исследователи вступают в более близкий и продуктивный контакт с исследуемыми, а у исследуемых есть неограниченный доступ к новым / старым знаниям о себе и своем происхождении. Между прочим, негласным правилом для перечисленных сообществ остается использование символического образа Т. Эсенча, о чем говорит наличие соответствующих заглавных фотоматериа-

лов или так называемые фото обложки «группы» (рис. 2).

С концептом языка в медиапространстве тесно соседствует идея о консолидирующем эффекте коллективной памяти или, вернее, коллективной травмы. Под ней усматривается трагедия Кавказской войны и последовавшего за ней махаджирства, т.е. переселения с территории Северо-Западного Кавказа в Османскую империю во второй половине XIX в. Но при том, что на принципиально новой интегрирующей Интернет-платформе происходит формирование особого типа «кавказской» идентичности, обусловленное живым интересом к перипетиям собственной истории домахаджирского периода, убыхский контекст почти всегда заметно выделяется из общего информационного конгломерата. В пользу такого заключения свидетельствуют многочисленные посты о культуре, быте и истории убыхов, воспринимаемых как

неповторимое родственное сообщество в некогда общем историческом ареале расселения. Об этом постоянно напоминает содержание следующих «групп» и «групповых» аккаунтов, локализованных в русскоязычном сегменте социальной сети *Facebook* — «Убыхия-Шахе-Шапсугия», «Убыхи Ubihi Aublaa», «Убых-Ubykh renaissance»¹¹.

Проанализированные практики становятся не просто дополнительным способом этнического ренессанса, а квинтэссенцией всех сил — от академических исследований до единоличных стратегий, причастных как к прошлому, так и к будущему «убыхства», его пониманию и трактовке, своего рода онлайн-отчетом об офлайн-действиях и наоборот — виртуальным катализатором, санкционирующим грядущие события в действительности. Поэтому размышления на тему размывания границ между реальностью и цифровой средой и об их взаимовлиянии обретают

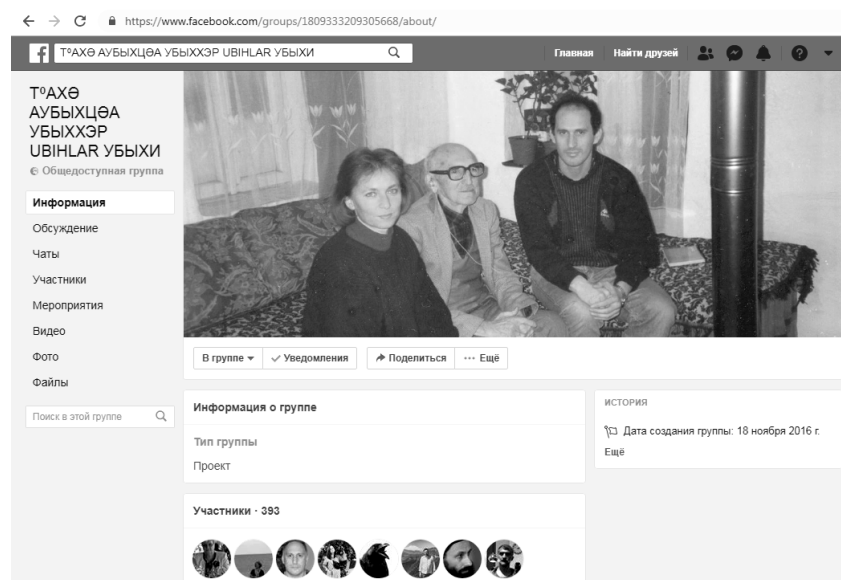

Рис. 2. Фото «обложки» группы «Т°АХӘ АУБЫХЦӘА УБЫХХӘР UBIHLAR УБЫХИ», на котором изображены (справа налево): Вячеслав Андреевич Чирикба, Тевфик Эсенч и его племянница Мераль Чаре, Хаджи-Осман, 1991 г.

Фото из личного архива В. А. Чирикбы. Скриншот от 19 декабря 2018 г.
URL: <https://www.facebook.com/groups/1809333209305668/?ref=bookmarks>

достаточно убедительные основания. Огромное количество документальных фильмов, блогерских видео и новостных сюжетов о потомках убыхов в России и за рубежом порождают ответную реакцию и запускают новый механизм репрезентации убыхского сообщества. Отсюда набирают обороты недвусмысленные, а иногда и псевдосенсационные открытия на просторах Сети, оформленные, например, в хэштегах «#убыхи_есть», «#убыхи_живы», «#не_последние_не_ушедшие_убыхи».

Конечно, одним из главных преимуществ медиасреды выступает ее видимая, но при этом опосредованная вариативность, а значит — увеличиваются шансы на креативное и неформальное конструирование «себя» по отношению к устоявшимся / навязанным маркерам (язык, этничность, конфессия, гендер, возраст и пр.). Важно понимать, что для акторов, которые осознанно причисляют себя к убыхскому сообществу и пытаются возродить его, медиатизация культуры как длительный процесс дает возможность интерпретировать «себя» как на максимальной точке собственной субъективности (генерировать конструктивистские «вызовы»), так и на уровне формальных критериев, условно принятых за объективные (соответствовать примордиалистским «запросам и привычкам»). Иными словами, описанная вариативность позволяет «потенциальному» убыху заявлять во всеуслышание о своем происхождении через соответствующий спектр моделей онлайн-поведения.

В этом качестве совершенно новыми инструментами мобилизации этничности служат никнеймы (*nickname*) и хэштеги (*hashtag*). Примечательно, что оба изобретения не ограничивают

пользователя в действиях, а способствуют поддержанию творческого подхода к актуализации создаваемого им персонального контента. Возложенная на них первоначальная миссия облегчения индивидуального обозначения в глобальном сетевом пространстве и упрощения поисковых потребностей со временем трансформировалась и пополнилась функцией формирования понятий и категорий этнического характера. В число наиболее актуальных слов / словосочетаний, применяемых в статусе опознавательных хэштегов убыхами или об убыхах, входят такие комбинации на русском, турецком и английском языках, как: *убых, убыхи, убыхский / убыхский язык / убыхский танец, убыхия; ubykh, ubykh, ubykh-ia, ubykh language; ubih / ubih, ubihlar / ubihlar, wubih / wubih, ubihça / ubih dili* (рис. 3).

Во время полевых исследований в Турции в 2015 г. стало ясно, что нынешние убыхи — потомки северокавказских переселенцев — имеют стратифицированную идентичность. Образно она представляется в виде пирамиды, где на высшей ступени располагается «турецкая» (как гражданина страны), а следом идут «кавказская / черкесская» (во взаимоотношениях с турецким населением) и «убыхская» (как одна из черкесских локальных групп) идентичности [20, 145]. Похожая тенденция наблюдается при анализе ряда пользовательских профилей *Instagram*: турецкие убыхи окказионально используют хэштеги «#ubih / ubih», «#ubihlar / ubihlar», «#wubih / wubih», помещая его в один ряд с хэштегами «#cerkes / çerkes / cirkassian», «#adige», «#apsuva», «#abaza», «#kafkas». Точно такая же обстановка зафиксирована в «шапках» профилей,

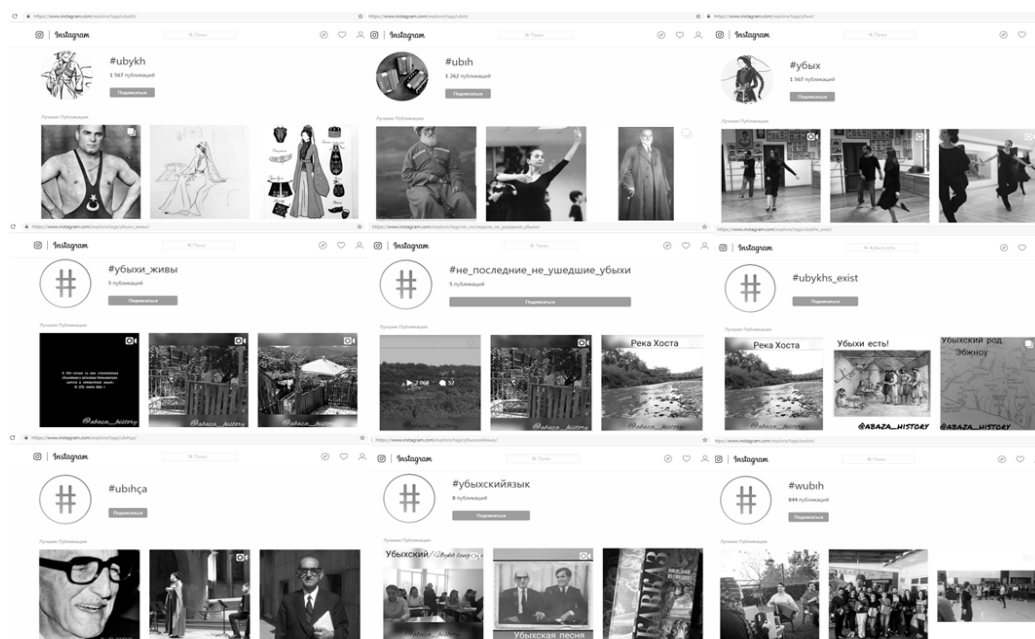

Рис. 3. Актуальные хэштеги по убыхской проблематике, представленные в Instagram. Подборка составлена в ноябре 2018 г.

где кратко презентуется самая важная с позиции обладателя аккаунта информация о себе. На первый взгляд, эти демонстративные рефлексии вроде бы поддерживают вывод о многоуровневой идентичности убыхов в турецких условиях жизни. Хотя с другой стороны чувствуется некое нивелирование вторичности убыхской идентичности по сравнению с остальными, поскольку в онлайн-повседневности «убыхство» оказалось куда более устойчивым и прописанным, чем в офлайн.

Вообще цифровой мир заметно упростил и в какой-то степени либерализовал процедуру символического имянаречения. Теперь право одновременно быть выдумщиком, обладателем и редактором своего нового / второго имени или псевдонима полностью делегировано пользователям таких ресурсов, где обязательно нужно идентифицироваться («назваться») для успешной авторизации (электронная почта, логины для сайтов, никнеймы в социальных

сетях). Этот принцип был удачно реализован акторами на волне нарастающей этно-репрезентации и не обошел стороной рассматриваемый убыхский случай.

Авторам довелось стать свидетелями любопытных казусов, имевших место в период проведения летом 2018 г. этнографической экспедиции в Причерноморскую Шапсугию. Здесь, в прибрежном ауле Хаджико (Лазаревский р-н г. Сочи), проживает фамилия Ушхо (адыг. *Ушъухыхэр*), члены которой считают себя потомками аборигенного убыхского населения (рис. 4). В ходе беседы со старожилками одной из патриний выяснилось, что для старшего брата делом чести остается юридическая легализация этнического статуса его семьи. Он активно поддерживает номинальных лидеров ревитализационного движения, пытающихся добиться включения российских убыхов в реестр коренных малочисленных народов РФ, а также изъявляет жела-

ние реализовать в частном порядке ныне популярную практику получения паспорта гражданина Самопровозглашенной Республики Абхазия с пометкой «убых» в графе «национальность»¹². В отличие от этого информанта его младший брат (научный сотрудник, кандидат физико-математических наук) не столь категоричен в заявлениях и ограничивается устным признанием своего «убыхства». Но при обмене контактами для дальнейшего сотрудничества обнаружилось, что в составной части наименования его официальной электронной почты зашифровано слово «ubych» (очевидно, потому, что созвучный почтовый ящик с сочетанием более корректного слова «ubukh» уже существует)¹³. Зафиксированная тактика позиционирования информантом своих этнических предпочтений является не просто альтернативным способом избегания формальных трудностей (как в случае с получением государственных документов). Она позволяет наравне со старшим братом в более востребован-

ном формате отстаивать и пропагандировать убыхское происхождение их семейства.

Второй казус касается непосредственно родственников Ушхо — фамилии Черен (адыг. *Чэрэнхэр*), которая наделена в отечественном кавказоведении «титлом» единственных убыхов, чудом уцелевших и оставшихся на родной территории после массового изгнания в Османскую Турцию [21, 26]. Сейчас в Хаджико живет только правнучка основателя рода Закерия — Сафет Харуновна Черен, она же «последняя из Черен» / «последняя из убыхов», в виду того, что продолжение рода по мужской линии именно в Хаджико прервано (после смерти отца женщины в 1990 г.). Но благодаря превратностям судьбы ее родному деду Ибрагиму удалось бежать в 1930-х гг. от раскулачивания, коллективизации и ссылки и до конца своих дней скрываться в соседней Абхазии под новым именем и фамилией — Эндрис (Борис) Тхагушев. Там же он обзавелся еще одной семьей и тем самым дал возможность роду продолжить свое

Рис. 4. Представители убыхской фамилии Ушхо (слева направо): Халид Салихович (1948 г.р.), Шилехан Салиховна (1947 г.р.) и Дамир Салихович (1949 г.р.), аул Хаджико, 2018 г. Фото М. Э. Сысоевой

существование (от второго брака имел двух сыновей и дочь). Тайные встречи между родственниками стартовали в конце 1950-х — 1960-х гг., когда репрессированные «старые» череновцы уже вернулись в аул из казахстанской ссылки и узнали о «новой» родне, осевшей совсем неподалеку. На протяжении всего общения (как скрытого в советский период, так и в постсоветские времена) обе линии были прекрасно осведомлены об убыхском прошлом своих предков. Правда, абхазская сторона остается как бы побочной линией семейства, в том числе из-за проблематичного вопроса смены фамилии. Для его решения как нельзя кстати пришлось медиастратегии. Часто контактируя в социальной сети *Одноклассники*, Сафет Харуновна Черен и ее тетя Мери Эндрисовна Тхагушева независимо друг от друга упомянули ситуацию, показывающую стремление восстановить справедливость и реабилитировать утраченную фамильную принадлежность при четко сохраняемом представлении об убыхском бэкграунде:

«Она в Одноклассниках написала “Мери... Мария Черён” [имеется в виду никнейм]. <...> Я спросила: “Это что, поменяли фамилию, что написали так?” <...> Нет, не поменяла она [удивленно]»¹⁴.

«...У меня даже было, в Одноклассниках я написала “Мария Черён”, “Мария” это у меня церковное имя, “Черён”, и мне кто-то пишет... а фотография-то

моя [акцентирует]. А мне кто-то пишет: “А почему вы, говорит, Мария Черён?”. Я говорю: “Ну, Мария — мое церковное, а Черён — моя настоящая фамилия”, — я говорю. “Я по происхождению убыхка”, — я говорю. “А это по национальности, я говорю, я черкешенка”. Но объяснять-то я всем не буду, зачем мне это...»¹⁵

Резюмируя, отметим, что медиастратегии конструирования убыхской идентичности следует понимать в первую очередь как явление динамичное, подверженное изменениям в зависимости от постоянного обновления самих медиа. Поскольку медиатизация представляется как продолжительный процесс, а подконтрольные ей ресурсы обладают неисчерпаемыми свойствами, то медиасреда выступает в роли своеобразного агента просвещения, а также становится ведущим рупором, благодаря которому акторы и активисты убыхского движения все время напоминают о себе. Многообразие моделей онлайн-поведения и повседневная актуализация дискуссий об этничности в виртуальном пространстве приводит к формированию огромного блока нарративов, которые гармонично вливаются в общий дискурс «вымирания» и «возрождения» убыхов. Следовательно, «воображаемость» сообщества наделяется дополнительными характеристиками, что способствует изобретению концептуально иной гибридной идентичности.

Примечания:

1. Согласно разработанному и редактируемому ЮНЕСКО «Атласу языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» (англ. *Atlas of the World's Languages in Danger*), убыхский язык как на исторической родине (Северо-Западный Кавказ), так и в Турции имеет официальный статус вымершего языка (*extinct language*); формальным критерием для получения такого статуса является отсутствие живых носителей языка [22].

2. Tevfik Esenç (1906–1992, фактический г. р. — 1904). Из «Воспоминаний Тевфика Эсенча», записанных Х. Фогтом, известно, что он родился в 1904 г. вблизи города Маньяс в селении Хаджи-Осман. Принадлежал к двум убыхским родам: Зейш по отцовской линии и Хундж по линии матери [23, 68]. В период правления Мустафы Кемаля Ататюрка по стечению обстоятельств семья получает турецкую фамилию Эсенч. Во время Первой мировой войны Эсенч жил и учился в Стамбуле; через год после греческой оккупации (1919–1922) был призван в армию, где прослужил полтора года. Вернувшись в деревню, женился на Эмине Чороко (1902–1996) из клана Şezâyî'а (у них родились две дочери и три сына: Нермин, Зеки и Эрол). Пробыв несколько лет на посту мухтара в родном селе, получил должность государственного служащего в Стамбуле, где и начинал работать с Ж. Дюмезилем. В приложении от марта 1956 г. к работе «Contes et Légendes des Oubykhs» впервые был отмечен Дюмезилем среди всех информантов как «лучший убыхофон». С этого момента «убыхство» ассоциируется с именем Эсенча, ставшего в последующем информантом для ряда исследователей: с 1958 г. на протяжении пяти недель совместно работает с Дюмезилем и Фогтом; в 1974 г. состоялась встреча с Дж. Хьюиттом, а в 1991 г. с В. А. Чирикбой. Скончался 7 октября 1992 г. в возрасте восьмидесяти восьми лет. Считается, что со смертью Эсенча умер и сам убыхский язык, по крайней мере, именно так отмечено на надгробной плите Тевфика: «*Vubih dilini ölümsüzlestiren bu dili yazıp konusabilen. Son vubih*» («Здесь лежит Тевфик Эсенч, последний человек, знавший язык убыхов») [24].

3. Хаджи-Осман или Хаджыосман-кёй (тур. *Hacıosman köyü*) — небольшой населенный пункт в районе Маньяс (*ilçe Manyas*) турецкой провинции Балыкесир (*il Balıkesir*). Родное село Тевфика Эсенча (похоронен там же). На протяжении последних двух столетий к жителям селения неоднократно приезжали филологи, фольклористы и этнографы со всего мира с целью всестороннего изучения культурного и лингвистического наследия потомков убыхских махаджиров.

4. Поскольку сама Зели Бурджу Эсенч работает на турецком телевидении, ей удалось привлечь к сотрудничеству над съемочным процессом двух своих коллег, а ее родному брату Бураку была отведена роль координатора по исследовательской части.

5. Facebook. URL: <https://www.facebook.com/birruyagordumofficial>; Instagram. URL: https://www.instagram.com/birruyagordum_official

6. Полевые материалы экспедиции М. Э. Сысоевой в г. Стамбул, Турция. Октябрь 2015 г. Информант: Зеки Эсенч (1934 г.р.).

7. Можно ожидать, что публикации такого характера в медиасреде участвуются

или получают новый всплеск в связи с тем, что 2019 г. объявлен Генеральной Ассамблеей ООН Международным годом языков коренных народов (англ. *International Year of Indigenous Languages*).

8. Здесь и далее по тексту при цитировании сохраняется орфография и пунктуация первоисточников.

9. Ранее университетские курсы, посвященные изучению убыхского языка, практиковались во Франции и Голландии.

10. *ВКонтакте*. URL: [https://vk.com / tuaxibza](https://vk.com/tuaxibza); Facebook. URL: [https://www.facebook.com / groups / 139399812890909 / ?ref=bookmarks](https://www.facebook.com/groups/139399812890909/?ref=bookmarks).

11. Facebook. URL: [https://www.facebook.com / groups / 487586734728906 /](https://www.facebook.com/groups/487586734728906/) ; [https://www.facebook.com / groups / 321764868034162 /](https://www.facebook.com/groups/321764868034162/) ; [https://www.facebook.com / %D0 %A3 %D0 %B1 %D1 %8B%D1 %85-Ubykh-renaissance-251166621733964 / ?eid=ARChLnTj5RZhjRunbDjDA5MYkrM3Sc8eD42QFKTc4dLmSG9nDoFF-FABw4b_LaDEmvjsU3ukNl4bTLr5](https://www.facebook.com/%D0%A3%D0%B1%D1%8B%D1%85-Ubykh-renaissance-251166621733964/?eid=ARChLnTj5RZhjRunbDjDA5MYkrM3Sc8eD42QFKTc4dLmSG9nDoFF-FABw4b_LaDEmvjsU3ukNl4bTLr5).

12. Кстати, иногда на персональных аккаунтах потомков убыхов (как из Турции, так и из России) или в тематических сообществах в социальных сетях появляются публикации фотографий соответствующих страниц из таких паспортов, как свидетельство формального признания этнического статуса (хотя бы в масштабах абхазского законодательства).

13. Полевые материалы экспедиции авторов в аул Хаджико Лазаревского р-на г. Сочи, Краснодарский край. Август 2018 г. Полевой дневник А. Г. Агабабян.

14. Полевые материалы экспедиции авторов в аул Хаджико Лазаревского р-на г. Сочи, Краснодарский край. Август 2018 г. Информант С. Х. Черен (1960 г.р.).

15. Полевые материалы экспедиции авторов в г. Гудаута Гудаутского р-на Абхазии. Октябрь 2018 г. Информант М. Э. Тхагушева (1946 г.р.).

1. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., Жуковский, 2003. 464 с.
2. Гришаева Е. И. Теория медиатизации и анализ репрезентации религий в секулярных обществах: пример скандинавских стран // Медиатизация культуры: конструирование новых текстов и практик: Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 ноября — 2 декабря 2018 г.). М., 2018. С. 31-35.
3. Couldry N. Mediatization or Mediation? Alternative Understanding of the Emergent Space of Digital Storytelling // *New Media and Society*. 2008. Vol. 10. No. 3. Pp. 373-391.
4. Hjarvard S. Mediatization and Cultural and Social Change: an Institutional Perspective // *Mediatization of Communication* / Ed. by K. Lundby. Berlin, Boston, 2014. *Handbooks of Communication Science*. Vol. 21. Pp. 199-226.
5. Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // *Nordicom Review*. 2008. Vol. 29. No. 2. Pp. 105-134.
6. Krotz F., Hepp A. A Concretization of Mediatization: How Mediatization Works and Why «Mediatized Worlds» Are a Helpful Concept for Empirical Mediatization Research // *Empedocles. European Journal for the Philosophy of Communication*. 2013. Vol. 3. No. 2. Pp. 119-134.
7. Schulz W. Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept // *European Journal of Communication*. 2004. Vol. 19 (1). Pp. 87-101.
8. Кузнецов И. В. Убыхи: границы, «вымирание», шаги к ревитализации // *Археология и этнография понтийско-кавказского региона*. Краснодар, 2016. Вып. 5. С. 289-304.
9. Убыхский язык / ТПУахъыбзэ. 7 мая 2012 // ВКонтакте [сайт]. URL: https://vk.com/tuaxibza?w=wall-36387483_13
10. Imkava. Creating a Documentary Film about the Last Speaker of Ubykh. August 22, 2017 // *Caucasus Studies Portal* [сайт]. URL: <https://caucasusstudies.mah.se/2017/08/22/creating-a-documentary-film-about-the-last-speaker-of-ubykh/>
11. @burakesenc. 7 августа 2018 // Instagram [сайт]. URL: <https://www.instagram.com/p/BmMPc8FA7yY/>
12. Колесов В. И., Кузнецов И. В., Кузнецова Р. III., Сыроева М. Э., Хуако З. А. Потомки убыхов в Турции // *Археология и этнография понтийско-кавказского региона*. Краснодар, 2016. Вып. 5. С. 225-250.
13. Кмузов Б. Черкесский центр в Грузии представил учебник убыхского языка. 22 мая 2015 // *Кавказский Узел* [сайт]. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/262741/?fbclid=IwAR3EjYMGcSn4svc3WACmTtYnIFEcFQ6ar_DeFmRp64i1ydSb7Xk7szzGr8k5v2iK1mHjDZNPQ5klaqmv6CAplTbL5H0-t3d5zvPYQm8
14. The Ubykh Dictionary Project // *Gofundme* [сайт]. URL: <https://www.gofundme.com/TheUbykhDictionaryProject?fbclid=IwAR2WscMhy4MN25O-5v2iK1mHjDZNPQ5klaqmv6CAplTbL5H0-t3d5zvPYQm8>
15. Супруги Берсировы выпустили убыхско-адыгейско-русский словарь. 17 мая 2018 // *Кавказ. Реалии* [сайт]. URL: <https://www.kavkazr.com/a/29231738.html>

16. Viacheslav Chirikba. 3 марта 2017 // Facebook [сайт]. URL: <https://www.facebook.com/v.chirikba/posts/1499466586761936>
17. Черкес Л. Язык убыхов начали преподавать в Абхазии. 8 марта 2017 // Кавказ. Реалии [сайт]. URL: <https://www.kavkazr.com/a/yazyk-ubykhov-nachali-prepodavat-v-abkhazii/28358304.html>
18. Viacheslav Chirikba. 11 марта 2017 // Facebook [сайт]. URL: <https://www.facebook.com/v.chirikba/posts/1510368182338443>
19. Т⁰АХӘ АУБЫХЦӘА УБЫХХӘР УБИНЛАР УБЫХИ. 18 ноября 2016 // Facebook [сайт]. URL: <https://www.facebook.com/groups/1809333209305668/permalink/1809336039305385/>
20. Сысоева М. Э. Современные потомки убыхов и наследие Дюмезиля-Эсенча // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. 2017. Вып. 12 (36). С. 144-146.
21. Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Л., 1982.
22. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger [сайт]. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/>
23. Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh. Oslo, 1963.
24. Сысоева М. Э. Жорж Дюмезиль и Тевфик Эсенч: полвека сотрудничества // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар, 2016. Вып. 5. С. 171-194.

Agababyan, Arusyak G. — Kuban State University; agababyan.arusayk@yandex.ru

Sysoeva, Maria E. — Kuban State University; mariasysoeva.kubsu@gmail.com

«#УБЫКHI_EST»»: THE MEDIA STRATEGY OF CONSTRUCTING ETHNIC IDENTITY.

Keywords: mediatization, media research, Ubykh (s), Teyfik Esentch, revitalization, identity.

This article is devoted to detailed consideration of strategies for constructing Ubykh identity in the media space. Having got into all spheres of life of the society, media not only successfully replaced traditional ways of communication, but also expanded communicative opportunities of the person and ways of his personal identification. Against this background, there is a blurring of the boundaries between online and offline, which allows building the most creative behavioral strategies on both individual and group levels. In the narrow sense, these strategies also addressed the issue of ethnic representation. They were also relevant for the Ubykh community, which was constantly credited with the status of an «extinct» people or people who lost their own unique language. The analysis of qualitatively new narratives shows that the discourses of Ubykh's «extinction» and «revival» coexist harmoniously within the limits of virtuality and are regularly actualised by the activists of the revitalization support. Along with the more familiar (publications in the media, documentaries, television reports) other tools for mobilizing ethnicity such as hashtags, nicknames, thematic «community» in social networks are also popular. The identified characteristics are confirmed by the materials of the expedition to the descendants of Ubykh in Turkey (autumn 2015), and field work in the Black Sea Shapsugia and neighboring Abkhazia (summer — autumn 2018) to study separate families, claiming their «Ubykh» descent. The described tactics and strategies help to understand how Ubykh identity is constructed, as well as to doubt the stability of the opinion about the final destruction of the community.

REFERENCES

1. McLuhan, M. *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, 2003.
2. Grishaeva, E. I. *Teoriya mediatizatsii i analiz reprezentatsii religii v sekulyarnykh obshchestvakh: primer skandinavskikh stran* [Mediatization Theory and Analysis of Representation of Religions in Secular Societies (as Exemplified in Scandinavia)]. *Mediatizatsiya kul'tury: konstruirovaniye novykh tekstov i praktik: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 30 noyabrya — 2 dekabrya 2018 g.)* [Mediatization of Culture: Constructing New Texts and Practices. Proceedings of International Scientific Conference (Moscow, November 30 — December 2, 2018)]. Moscow, NEOLIT, 2018, pp. 31-35.
3. Couldry, N. Mediatization or Mediation? Alternative Understanding of the Emergent Space of Digital Storytelling. In: *New Media and Society*. 2008, vol. 10, no. 3, pp. 373-391.
4. Hjarvard, S. Mediatization and Cultural and Social Change: an Institutional Perspective. In: Lundby K. (ed.) *Mediatization of Communication*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2014. *Handbooks of Communication Science*. vol. 21, pp. 199-226.
5. Hjarvard, S. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. In: *Nordicom Review*. 2008, vol. 29, no. 2, pp. 105-134.
6. Krotz, F., Hepp, A. A Concretization of Mediatization: How Mediatization Works and Why «Mediatized Worlds» Are a Helpful Concept for Empirical Mediatization Research. In: *Empedocles. European Journal for the Philosophy of Communication*. 2013, vol. 3, no. 2, pp. 119-134.
7. Schulz, W. Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept. In: *European Journal of Communication*. 2004, vol. 19 (1), pp. 87-101.
8. Kuznetsov, I. V. *Ubykhi: granitsy, «vymiranie», shagi k revitalizatsii* [Ubykhs: Boundaries, «Extinction», Steps toward Revitalization]. *Arkheologiya i etnografiya pontiisko-kavkazskogo regiona* [Archaeology and Ethnography of Pontic and Caucasian Area]. Krasnodar, Kuban State University, 2016, iss. 5, pp. 289-304.
9. *Ubykhskii yazyk / TPuakh»ybz. 7 maya 2012* [Ubykh Language. May 7, 2012]. *Vkontakte* [In Contact] [Web-site]. URL: https://vk.com/tuaxibza?w=wall-36387483_13
10. Imkava. Creating a Documentary Film about the Last Speaker of Ubykh. August 22, 2017. *Caucasus Studies Portal* [Web-site]. URL: <https://caucasusstudies.mah.se/2017/08/22/creating-a-documentary-film-about-the-last-speaker-of-ubykh/>
11. @burakesenc. August 7, 2018. *Instagram* [Web-site]. URL: <https://www.instagram.com/p/BmMPc8FA7yY/>
12. Kolesov, V. I., Kuznetsov, I. V., Kuznetsova, R. Sh., Sysoeva, M. E., Khuako, Z. A. *Potomki ubykhov v Turtsii* [Descendants of Ubykhs in Turkey]. *Arkheologiya i etnografiya pontiisko-kavkazskogo regiona* [Archaeology and Ethnography of Pontic and Caucasian Area]. Krasnodar, Kuban State University, 2016, iss. 5, pp. 225-250.
13. Kmuzov, B. *Cherkesskii tsentr v Gruzii predstavil uchebnik ubykhskogo yazyka. 22 maya 2015* [The Circassian Center in Georgia Presented a Textbook of Ubykh Language. May 22, 2015]. *Kavkazskii Uzel* [Caucasian Knot] [Web-site]. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/262741/?fbclid=IwAR3EjYMGcSn4svc3WACmTtYnIFEcFQ6ar_DeFmRp64i1ydSb7Xk7szzGr8k
14. The Ubykh Dictionary Project. *Gofundme* [Web-site]. URL: <https://www.gofundme.com/TheUbykhDictionaryProject?fbclid=IwAR2WscMhy4MN25O5v2iK1mHjDZNPQ5klaqmv-6CApLTbL5H0-t3d5zvPYQm8>
15. *Suprugy Bersirovy vypustili ubykhsko-adygeisko-russkii slovar'. 17 maya 2018* [Spouses Bersirovs Released Ubykh-Adyge-Russian Dictionary. May 17, 2018]. *Kavkaz. Realii* [Caucasus. Realities] [Web-site]. URL: <https://www.kavkazr.com/a/29231738.html>

16. Viacheslav Chirikba. March 3, 2017. Facebook [Web-site]. URL: <https://www.facebook.com/v.chirikba/posts/1499466586761936>
17. Cherkes, L. *Yazyk ubykhov nachali prepodavat' v Abkhazii. 8 marta 2017* [Ubykh Language Began to be Taught in Abkhazia. March 8, 2017]. *Kavkaz. Realii* [Caucasus. Realities] [Web-site]. URL: <https://www.kavkazr.com/a/yazyk-ubykhov-nachali-prepodavat-v-abkhazii/28358304.html>
18. Viacheslav Chirikba. March 11, 2017. Facebook [Web-site]. URL: <https://www.facebook.com/v.chirikba/posts/1510368182338443>
19. *TWAXU AUBYKhTsUA UBYKhKhER UBIHLAR UBYKhI. 18 noyabrya 2016* [Ubykh (s). November 18, 2016]. Facebook [Web-site]. URL: <https://www.facebook.com/groups/1809333209305668/permalink/1809336039305385/>
20. Sysoeva, M. E. *Sovremennye potomki ubykhov i nasledie Dyumézilya-Esencha* [Modern Descendants of Ubykh and Heritage of Dumézil-Esenç]. *Vestnik nauki Adygeyskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy im. T. M. Kerasheva* [Science Bulletin of the T. M. Kerashev Adygean Republican Institute for Humanitarian Studies]. 2017, iss. 12 (36), pp. 144-146.
21. Lavrov L. I. *Etnografiya Kavkaza (po polevym materialam 1924-1978 gg.)* [Ethnography of the Caucasus (Based on the 1924-1978 Field Data)]. Leningrad, Nauka, 1982. 224 p.
22. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger [Web-site]. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/>
23. Vogt, H. *Dictionnaire de la Langue Oubykh*. Oslo, Universitetsforlaget, 1963. 266 p.
24. Sysoeva, M. E. *Zhorzh Dyumézil' i Tefvik Esench: polveka sotrudnichestva* [George Dumézil and Tefvik Esench: Half a Century of Cooperation]. *Arkheologiya i etnografiya pontiisko-kavkazskogo regiona* [Archaeology and Ethnography of Pontic and Caucasian Area]. Krasnodar, Kuban State University, 2016, iss. 5, pp. 171-194.